

A movie poster with a dark green background. On the left, a young woman (Kristina Yabornova) is shown from the chest up, wearing a tan flight helmet with large circular side vents and a dark green flight suit with brown straps. She has a serious expression. On the right, a man with long dark hair and a wide smile is shown from the chest up, wearing a dark green turtleneck. In the upper right background, there is a dark, rectangular, multi-layered structure floating in the air, with a small green light source nearby.

Кристина Выборнова

**Игра в
ДОГОНЯЛКИ**

Кристина Выборнова

Игра в догонялки

<https://litres.ru/72407548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Далекое (и странное) будущее. Девушка по имени Валя Козлова, посредственная ученица пятнадцатого класса средней школы, выбрана в качестве представителя среднестатистических людей в делегацию землян. Они отправляются на встречу кораблю инопланетян, с которыми земляне общались до того годами...

Однако за время пути оказывается, что и пассажиры на корабле не совсем те, что Валя ожидала, и действия инопланетян не столь уж ясны. И штурман на корабле какой-то странный (хоть и нравится ей). Да и сама она после всех пережитых событий вряд ли сможет назвать себя «среднестатистическим человеком»...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3.	15
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	51
ГЛАВА 11	56
ГЛАВА 12	61
ГЛАВА 13	66
ГЛАВА 14	72
ГЛАВА 15	77
ГЛАВА 16	82
ГЛАВА 17	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Игра в догонялки

ГЛАВА 1

"Два корабля вылетели навстречу друг другу. Первый летел со скоростью света, второй – со сверхсветовой скоростью...»

Ох, ну и скучища! Я перестала скрипеть ручкой и размяла пальцы. Нам не разрешали делать уроки на компьютере-тетрадке, кто-то недавно придумал, что это очень вредно для глаз, и, конечно, же, наша школа тут же вывела электротетради из употребления. Мало того: когда мы садились за эргономично принимающие нашу форму парты, учебник, который нам выдавался, никак нельзя было поднести к глазам ближе, чем на тридцать сантиметров: поганая книжка, снабженная, видимо, соответствующими фотоэлементами, начала издавать панический писк, и я навлекала на себя гнев Ирины Марсовны.

– Валя Козлова, ты долго будешь мне мешать? В чем дело, уже не маленькая, пятнадцатиклассница! Только неизвестно, перейдешь ли в шестнадцатый! – передразнила я писклявый, как та самая книжка, голос училки, вскочила, прошлась по комнате и опять бухнулась на твердую кровать, имеющую форму существовавшей когда-то стиральной доски, что вроде было полезно для позвоночника.

Так, что у нас будет завтра? Ага, семнадцать уроков. Я развернула

дневник успокаивающе действующего на психику зелено-го цвета. Нападавали, как всегда. Задания по микро– макро– нано– и суперэкстраэкономике, по литературе стишки выучить – ну это ладно. А еще у нас завтра какая-то геральдика – новый предмет. Новый – значит делать ничего не надо. Задача по математике, доклад по этикетоведению, и составить конспект по эргономике и диетологии.

Я с облегчением вздохнула. Задали не так уж и много, могло бы быть и хуже. Вообще, каждый раз, когда я делала уроки, я испытывала смешанные чувства: с одной стороны, жалела, что не живу в прошлом, где, как написано в "Истории прошлого", было каждый день всего по шесть уроков, а с другой, радовалась, что не родилась позже, потому что, как написано в "Истории будущего", через двести лет классов будет двадцать и уроков в день – тоже.

Ой, завтра же еще история будущего! Я хлопнула себя по лбу от

досады. Тут же стены комнаты успокоительно поглубели, а в углу

пшикнул ароматизатор. Я зажала нос и взялась за историю будущего.

Учебников по ней было два. В одном были собраны прогнозы на

будущее разных ученых, каждый из которых считал, что будет только то, что он сказал. Этот учебник мне нравился своим безапелляционным тоном. Я открыла параграф и прочла: "Будет шесть часов утра, когда на площади бывшей Москвы откроется первая межгалактическая ярмарка, куда иные разумы привезут товары из иных миров..."

Я вздохнула. Учебник несколько устарел, так что описываемые

события должны были произойти год назад. Я сунулась во второй: этот был написан после реальной переброски нескольких ученых в будущее, где они пробыли один час и написали потом непропорционально большой учебник. Я открыла последний и прочла унылые строки: "Возможно, начало сорокового века ознаменуется большими открытиями в области еще не известных нам наук – (я мысленно пожалела будущих тогдашних школьников) – хотя, возможно, что начало сорокового века ознаменуется лишь большим метеоритным дождем, который, возможно, будет замечен на Земле, а, возможно, и нет".

– Нет, это невозможно! – проворчала я в пространство.

Неуверенный тон учебника выводил меня из себя, не говоря уже о его мрачных прогнозах. Утешало только одно: ни

первый, ни второй учебники ни разу не описали правильно ни одного будущего события. Первые авторы оправдывались тем, что они же в будущем не были, а просто предполагали, вторые авторы мямлили, что хоть они в будущем и были, но недолго, а оно еще к тому же изменчиво, и жаловались на всех людей, которые делают не то, что надо, изменяя таким образом все, что будет происходить. Свалив с себя вину, обе стороны подкинули свои учебники школам, которые и принялись их изучать.

Как говорит наша Ирина Марсовна: "Вот вас спросят, какое событие

произойдет в шесть тысяч седьмом году, а вы не сможете ответить, и вам будет стыдно." В шесть тысяч седьмом году должны были произойти по первому учебнику: большое наводнение, или большое землетрясение, или опять большая межгалактическая ярмарка; а второй учебник неуверенно предполагал, что скорее всего в этом году не будет ничего примечательного.

Я дочла историю, быстро доделала математику и принялась за стихи по литературе. Вот в смысле литературы нам очень повезло. Родись я раньше, и мне пришлось бы запоминать громадные наборы слов. У нас же поэтические сборники были – одно удовольствие. Уже два века назад открыли новый стиль написания стихов, и теперь я радостно принялась учить стихотворение моего однофамильца поэта Козло-

ва: оно называлось "Сумасшествие" и выглядело так: "Фью-фью-ку-ку-хи-хи!". Запомнив стих, я заодно выучила и следующий, не имевший названия и состоявший из одного слова «Ого», написанного посреди страницы. Похваляюсь потом знаниями перед Ириной Марсовной!

Стены комнаты взбодрились и пооранжевели, я же постучала по полу три раза, вызывая радио, и принялась за суперэкстраэкономику. Радио слало с потолка тщательно разработанный специалистами ласковый голос:

– Сегодня при приземлении взорвалась ракета, следующая с Луны.

Из-за таянья ледников произошло сильнейшее наводнение в присевернополюсных районах, последствия которого не удастся устранить. Волна сильных пожаров...

Стены позеленели. Я постаралась отвлечься на экономику. Радио

же наконец сжалилось и сообщило:

– Главная новость: инопланетяне, уже двадцать лет переговаривающиеся с Землей, наконец, назначили ей место встречи в районе альфы созвездия Рыб, куда и будет направлена ракета.

ГЛАВА 2

На следующий день, бредя в школу и таща за собой за длинную ручку портфель на колесиках, заваленный учебниками, я размышляла об услышанной вчера новости. Если ракету действительно пошлют, то мы, наконец, сможем посмотреть на инопланетян, которых до этого никто не видел. Интересно, а какие у них школы? Может, там, как в старину, по шесть уроков?..

"До звонка осталось пять минут, – сообщил мне портфель. – Начинаю обратный отсчет..."

Я помчалась вскачь, но все равно опоздала. Один эскалатор выключили, а на другой стояла громадная очередь, в которую мне и пришлось запихнуться: портфель ввиду его размеров и тяжести нереально было втащить наверх.

– Можно, Ирина Марсовна? – проямлила я, когда передо мной открылись двери класса.

– Козлова, опять опоздала, – проворчала учительница. – Что ты стоишь, входи, не труди у двери фотоэлементы, я вам сколько раз говорила, не торчать в дверях!

– Извините, – скрипнула я сквозь зубы и уместилась за свою парту.

Парта радостно обволокла меня.

– Глянь на Воловина, – шепнула мне в затылок моя подруга Кассиопея. Я осторожно повернула голову. Лицо Воловина не поддавалось описанию, как и весь его сегодняшней вид: сразу было понятно, что он записал себе на подкорку весь учебник "Истории будущего" с помощью аппарата "Мну-5", который я в свое время никак не могла выпросить у родителей.

Сейчас "Мну-5" был выведен из производства ввиду его видимого даже самым слепым и предвзятым глазом вреда, однако не далее как в десятом классе почти все, включая создающую Кассиопею, имели такие же лица, как сейчас у Воловина. Видно было, как он изо всех сил стискивает челюсти, чтобы не дать вывалиться потоку информации.

К счастью, «Мну-5» давал память только на один час, иначе бы все использующие его давно свихнулись бы от знаний. Но и так несчастного Воловина ждал жуткий сюрприз: Ирина Марсовна сказала, что сейчас будет не история будущего, а геральдика.

В класс вошел молодой энергичный человек, видимо, учитель. Парта пнула меня сзади, чтоб я не забыла встать. Я стукнула по ней кулаком. Парта завывала не своим писком.

– Козлова! – зашипела уходящая Ирина Марсовна. Я сделала постное

лицо, но все-таки не встала.

– Меня зовут Плутон Гепардович, – сообщил нам новый учитель. – Я буду преподавать вам геральдику. Это очень нужный и важный предмет. Его обязан знать каждый культурный человек. Вот, к примеру, спросят вас: "Какой герб был у города Иношифрска?.."

– А вы не сможете ответить, и вам будет сты-ыдно, – протянула я.

Плутон Гепардович зверски посмотрел на меня и сказал:
– Козлова, если ты не хочешь слушать, можешь выйти и остаться

неучем.

Я подумала. Ныть "извините" и "больше не буду" было неохота, поэтому я достала из портфеля диктофон, включила его, чтобы он зафиксировал мне весь урок, и, ободряюще улыбнувшись учителю, вышла из класса. В холле было пусто. Окно медленно меняло изображение какого-то леса на морской берег. Я подобрела к стоящему у стены креслу и плюхнулась. Кресло укоризненно обхватило меня и начало покачивать. Я душераздирающе зевнула и, по-видимости, задремала.

Разбудили меня голоса. Урок еще длился, но по коридору явно кто-то шел. Я оттолкнула приставучее кресло, однако смотреть пока было не на что: все загораживал поворот коридора.

– Господи, ну почему именно ее? – услышала я раздраженный голос

Ирины Марсовны. – Вот Цефей Бурдюков: хороший мальчик, отличник, или Лиса Зайцева – такая умница, по всем предметам пятерки, уроки всегда сделает, никогда не грубит, коэффициент идеальности – восемьдесят семь процентов! А у нее и одного не наберется! Учится нестарательно, половину уроков не делает! Я уже не говорю про то, что она не ходит ни на один дополнительный курс! А, вот она, легка на помине! Почему не в классе, Козлова?

– Выгнали, – отозвалась я.

– Ну, вот видите? – развела руками Ирина Марсовна, обращаясь к

своим спутникам.

Их было двое: мрачный юноша ненамного старше меня, одетый в

форму капитана космического корабля, с зализанными назад черными волосами и, видимо, сильными линзами на глазах, и мужчина лет тридцати, выглядящий как картинка из истории прошлого: высокий, в кожаных брюках и в кожаной же куртке, с которой свешивалось бесконечное число каких-то бренчащих деталей, в ботинках со старинными шнурками, наполовину развязанными; с висящими во

все стороны тускло-коричневыми непричесанными волосами, избранные прядки которых были заплетены в косички. Он щурил большие и почти черные глаза, его передние зубы излишне торчали вперед, что было очень заметно, потому что он все время улыбался во весь свой рот.

При виде такой компании мой рот сам по себе приоткрылся. Кресло

выпустило меня и деликатно самоустранилось к окну.

– Валентина Козлова? – низким голосом неисправного робота спросил юноша.

– Она, она, кого же еще выгнать могут, – фыркнула Ирина Марсовна.

– Мы уполномочены сообщить вам, что вы выбраны в члены экипажа

ракеты, отправляемой на встречу с инопланетянами, и будете представлять в своем лице среднестатистического молодого человека.

– Какое мнение сложится у инопланетян о нас! – встряла учительница.

– Уважаемая, – вдруг подал насмешливый высокий голос индивид с косичками.

– Нам нужен нормальный средний человек, а тот, кто день и ночь учит наизусть все ваши многочисленные уроки, им уж никак не является.

ГЛАВА 3.

Я хмыкнула себе под нос.

– Козлова, пройдем в учительскую, – со вздохом сказала Ирина Марсовна.

– Да ладно, мы и тут договоримся! – махнул рукой обладатель косичек. – Слушай, Валюха, вот этот пацан рядом со мной – капитан Андрей Зуммеров, а я штурман корабля – Горгониев моя фамилия, Логвин меня звать, – будем знакомы!

Я поклонилась, так как пожатие рук недавно признали негигиеничным,

капитан кивнул головой, штурман же хлопнул меня по плечу. Ирина Марсовна поморщилась и недовольно произнесла:

– Я надеюсь, на корабле будут созданы условия для ее обучения -

нельзя же просто так пропускать школу.

– Естественно, корабль имеет школьный отсек номер пять дробь семь, – безжизненно отвечивал капитан. Штурман все это время давился смехом, прикрывая лицо рукой. Я опасливо посмотрела на него и припомнила, что это он дол-

жен прокладывать курс кораблю – вернемся ли мы обратно при таком странном штурмане?.. Ирина Марсовна, похоже, подумала то же самое, потому что быстро сказала:

– А впрочем, пусть полетит Козлова, я не возражаю. Я ей даже не буду задавать на полет много уроков.

– Тогда я согласна! – так же быстро сказала я. Штурман опять засмеялся, капитан произнес, глядя в сторону:

– В таком случае я сообщаю вам, что отлет назначен на завтрашний день – транспортная ракета доставит экипаж к выведенному на орбиту кораблю. Ввиду этого убедительно прошу вас поспешить с церемониями прощания и вещесборкой.

Я уставилась на Зуммерова, тряся головой. У меня возникло подозрение, что он в детстве перепользовался аппаратом "Мну-5". Кое-как поняв, что он хочет сказать, я ответила:

– Вещесборка и прощательный процесс будут проведены мной в кратчайшие сроки.

– Отпустите ее с уроков, – сказал штурман Ирине Марсовне. – А то она не успеет. Давай, Валька, кидай свои кости в семь утра на Центральный космодром, а мы пошли, еще кучу ерунды осталось сделать, пока вылетишь, весь в бумажках утонешь. Да, кстати, о бумажке – подпиши свое согласие на вылет.

Он порылся в кармане и сунул мне листок вечнохранящейся пластобумаги, на котором было так много напечата-

но наимельчайшим шрифтом, что я решила это не читать и, посплюнув ноготь, нацарапала подпись, тут же почерневшую на ярком свете.

– Спасибо, до встречи! – улыбнулся штурман и, крутнувшись на одной ножке, удалился вместе с капитаном, замороженно шаркающим ногами по пористому, бодрого бирюзового цвета полу.

Я посмотрела на Ирину Марсовну.

– Иди, Козлова, – прочувствованно произнесла она. – Когда еще с

тобой увидимся!..

Мне вдруг захотелось ее успокоить. Я провела в уме быстрые расчеты и ласково сообщила:

– Зато без меня общий коэффициент идеальности класса увеличится

на семь целых девять десятых процента!

– Это да, – согласилась Ирина Марсовна. Выглядеть она стала куда

лучше, поэтому я сказала:

– Ну я пошла, – и зашла в класс, дабы забрать портфель.

...Стены нашей квартиры дико голубели, вовсю гремела успокаивающая музыка, от аромараспылителя пресекалось дыхание. Шел прощательный процесс. Мама бегала туда-сю-

да, шугая перепуганно зеленеющие кресла, папа мрачно поглядывал на меня поверх электронной тетради, в которой, как всегда, что-то печатал. Я молча собирала вещи.

– Валечка, зачем же ты согласилась, это же опасно! – взывала

ко мне мама. – Пусть, вон, отличниц посылают, а ты у нас, слава богу,

троечница...

– Они говорят, что отличницы ненормальные, – проворчала я. – Не

затрудняйте мне прощательный процесс, а то у меня будут сбои в вещесборке.

– Вот именно! – грозно рявкнул папа, не вслушивающийся в разговор, но, как стены, реагирующий на интонацию.

– Ты чего поддакиваешь! – напустилась на него мама. – Ребенка

посылают незнамо куда. А вдруг эти инопланетяне опасные?

– Вот именно, – поспешно сказал папа.

– Нет, не опасные, очень нудные, мы проходили их послания по инопланетоведению. А говорят так длинно – еле законспектировала, – проворчала я, раздраженно уминая ком

одежды, не влезающий в сумку. Мама тяжело вздохнула и спросила:

– Ну, а штурман у корабля, хотя бы, хороший?

– Отменный! – энергично заверила я, стараясь дышать ртом, так

как ароматизатор словно взбесился.

– Ну хорошо, что же делать, только говори с нами по связи каждый день, – попросила мама.

– Вот именно! – бодро добавил папа. Я кивнула, трамбуя сумку.

– Десять ноль-ноль, – ласково сказала наша квартира. – Выключаю

свет.

– Еще пять минут! – закричали мы с мамой хором.

– Начинаю обратный отсчет, – согласилось помещение. Я замельтешила руками. Мама бросилась мне помогать. Сумка, наконец, умялась, самозастегнулась и отъехала под кровать. Я бухнулась в последнюю, мама поспешно сказала мне:

– Спи, Валечка, у тебя завтра будет напряженный день.

– Вот именно, – подтвердил папа, быстро что-то допечатывая.

– Три, два, один, – нежно пропела квартира, и свет потух. Мама,

натываясь на предметы, пошла к себе. Я закрыла глаза. Конечно, родителей было жалко, но, с другой стороны ,ужасно хотелось полететь.

Окончательно склонившись на эту другую сторону, я решительно повернулась и сказала:

– Прошу разбудить меня в шесть.

– Хорошо, – ответствовала квартира. – Включить ли вам успокаивающую музыку?

– Выключить, – проворчала я и накрылась подушкой.

ГЛАВА 4

Солнце стояло еще низко. Город освещался приятным для глаза розовым светом. Я поспешала на космодром, одетая, умытая и принявшая душ из родительских слез. Следом за мной ползла нагруженная сумка, причем в таком похоронном темпе, что мне хотелось дать ей пинка, но не хотелось выслушивать писклявую лекцию о правильном обращении с сумками, позволяющем им служить как можно дольше, и потому я, сердито переминаясь с ноги на ногу, поджидала неторопливый багаж, после чего мы двигались дальше.

На Центральном космодроме, как всегда, была прорва народу, и вся она шла в разные стороны. Я заозиралась и прижала к себе сумку. Мимо галопом проскакал какой-то мужчина, за ним гнался огромный рюкзачище, лихо прыгая на приделанных к нему снизу пружинах. Я отшатнулась. По воздуху пронеслась, видимо, потерявшая ориентировку антигравитационная скатерка-носильщик – на ней высилась пирамида из вещей. Я пригнулась. Тут кто-то осторожно пощупал меня за локоть. Я повернулась и, с трудом сдержав панический крик, вспомнила, что это просто робот.

Привыкнуть к виду этого «просто робота» было весьма непросто. Роботы являлись ходячими опровержением всех законов эстетики и эргономики. Под людей их решили не

подделывать, так как это будет неприятно, покрасили их в успокаивающий цвет и придали эстетичности нефункциональными финтифлюшками. И в результате на меня пялилась огромными выпученными глазами из чистого стекла нежить с квадратной головой, с множеством щупалец вместо двух рук и с эстетически приятной завитушкой на месте ног – роботы, как и носильщики, были антигравитационными. Такая же финтифля возвышалась на голове, и все это было выкрашено в нежно-зеленый цвет, по идее расслабляющий и успокаивающий. А чтобы на лице не было пусто, кто-то придумал изобразить роботам улыбку, которая, взятая отдельно, возможно, была бы приветливой, но на зеленом лице смотрелась вурдалачно.

– Са-а-пщите ваши данные, – предложило мне антиэстетичное создание стандартно-ласковым, как у нашей квартиры, голосом.

– Валентина Козлова, – пробормотала я, слегка отворачиваясь. Одно из щупалец схватило меня за руку. Я дернулась.

– Вам на транспортный корабль, – пояснил робот. – Я уполномочен вас проводить.

– Ладно, пошли, – отозвалась я и подумала, что формулировку "я уполномочен" я где-то слышала... А, ну да, вчера от капитана Зуммерова! Неужели роботов все-таки решили делать похожими на людей?..

– Вы школьница, – неожиданно заговорил со мной робот. – Почему я не обнаруживаю среди ваших вещей принадлеж-

ностей для обучения?

– Потому что у тебя глаза запылились, – в том же озабоченном тоне ответила я.

Робот отстал. Я вздохнула с облегчением. Будучи нормальным средним человеком, никакого портфеля я, конечно, с собой не брала.

Толпа несколько поредела, и робот вытащил меня к ракете-транспортнику. Возле входа в нее толпился народ.

– А вот и Валюха! – раздался надо мной знакомый голос, и появился штурман, одетый ровно так же, как вчера, только еще меньше причесанный.

– Классная у тебя сумка. На гусеничном ходу, что ли?

– Доставка члена экипажа проведена мной... – встрял робот. Штурман махнул на него рукой:

– Пошел отсюда, нежить. Навыдумывали всяких рож. Между прочим, – обратился он ко мне, – со мной вместе они будут вести корабль – а разве можно таким мордам доверить такое дело?

– Я думала, корабль ведет капитан, – заметила я, помогая сумке взобраться по лестнице входа. Штурман присвистнул и фыркнул:

– Андрейке я доверяю еще меньше! Он же пацан. Зато он выучил наизусть названия отсеков, и в каком что находится – будет давать справки.

– А чего тогда вы не капитан? – удивилась я.

– А, – махнул рукой штурман. – Разве при моем виде это

возможно? Ни в жизнь меня им не назначат, и так еле терпят. А у Адрейки вид соответствующий.

– Логвин Эдуардович, не создавайте затор в дверях, – слышался замороженный голос много раз упомянутого Зумерова.

Штурман только захихикал и, проводив меня до моего кресла, куда-то испарился. Кресло зверски вцепилось в меня. Я с трудом повернула голову и посмотрела в окно.

Толпа уже разбежалась. Солнце все еще пыталось встать. А правда, когда я еще сюда вернусь?! Мне стало неуютно, и противное кресло, воспользовавшись этим, немедленно опшикало меня расслабляющим ароматом. «Зато весь полет я не буду учиться!» – вспомнила я и слегка успокоилась. Выпростав руку, я помахала ей перед окном, прощаясь с Землей. Транспортник дернуло, и он пошел на разгон. Чтобы не был слышен гул двигателей, как всегда, включилась музыка. Чтобы не слышать музыки, я закрыла уши руками...

В проходе замаячило салатовое лицо робота-стюардессы, предлагающего какую-то еду. Я, взглянув на него, тут же потеряла аппетит и попыталась осмотреть своих спутников.

Люди, прикованные к креслам, были в основном молодыми, и некоторых из них я даже узнавала: известный врач, геолог, биолог, эстетик, эргономик – ну да, куда же без них...

Я посмотрела в окно. Внизу плыло целое поле облаков, вроде бы, кучевых, – припомнила я из облаковедения, тоже очень нужного и важного предмета.

– Да выпусти ж меня! – раздался где-то впереди крик штурмана, видимо, обращенный к креслу, после чего он вылетел в проход и направился в мою сторону.

– Устроилась? – поинтересовался он, подходя. – Глянь, Валька, сейчас как раз с твоей стороны будет корабль. И я от тебя посмотрю, а то у меня ни черта не видно.

Я откинула голову, чтобы дать ему место у окна, за которым уже было совсем темно и звездно.

– Вот она, штуковина! – сообщил мне штурман, стуча кулаком по стеклу, как будто намереваясь выбить его. – Ну и соорудили, эстеты недобитые!..

ГЛАВА 5

Теперь и я разглядела корабль, довольно хорошо освещенный солнцем. Из эстетических соображений он имел форму двойного бантика, и я плохо понимала, где, собственно, у него сопло и в какую сторону мы полетим.

– Сейчас будет проведена стыковка с кораблем, – разнесся по салону голос Зуммерова. – Прошу произвести приготовления.

– А как называется корабль? – спросила у него я.

– В соответствии с приятным акустическим резонансом ему было дано имя Ануну.

– А! Ну-ну, – только и сказала я.

Штурман чуть не упал от смеха и, пошатываясь, удалился от меня вслед за капитаном.

Двойной бантик неумолимо приближался и, наконец, закрыл собой весь обзор. Музыка смолкла, нас опять тряхнуло: видимо, мы пристыковались. Я принялась выдираться из кресла. Сумка напомнила о себе пискom и поползла за мной.

У входа неожиданно образовалась пробка. Пнув пару великих ученых и подпрыгнув, я увидела, что причиной ее опять стал штурман.

– Обождите вылезать, что у вас, горит где? – говорил он недовольным пассажирам.

– Логвин Эдуардович, шлюз уже открыт, не задерживайте... – включился капитан.

– Обойдетесь, – отрезал штурман. – Простойте, сколько я скажу.

Я еще немного потолкалась и оказалась в первом ряду. Выход из транспортника был открыт, виднелся нежно-розовый коридор Ануу. Именно в нем и застрял штурман. Он сосредоточенно пощипывал стенку, что-то приговаривая полусшепотом. " Фью-фью-ку-ку-хи-хи-хи" – припомнила я стихотворение моего однофамильца. Штурман, озабоченно морщась, сделал несколько кругов в коридоре и три раза повернулся на каблуках, что-то прибарматывая.

– Что вы делаете? – не выдержал кто-то.

– Логвин Эдуардович подвержен различным суевериям и приметам, он почитает корабль за живое существо, – язвительно проскрипел Зуммеров.

– Не вас же за него почитать, – сказала я шепотом. Штурман слегка притопнул ногой и сказал:

– Слушайте, ребятки, ведь не вы же эту колымагу поведете, подождите, пока я с ней договорюсь. Я вас надолго не задержу.

Он показал все зубы в улыбке и полез за пазуху. Оттуда он извлек старинной формы бутылку не из пластика, как обычно, а из стекла. В бутылке болталась какая-то жидкость. Штурман ухватил сосуд за горлышко, занес руку назад и вдруг изо всех сил саданул бутылкой по стене корабля. Толпа

дружно вздрогнула, пискливо забормотали пихнутые ногами сумки. Осколки стекла разлетелись по коридору, со стены медленно стекала какая-то жидкость. Я почему-то вспомнила родителей.

– Когда в древности спускали на воду корабль, – сказал штурман в жуткой тишине, – прежде всего об него разбивали бутылку с вином. Это старая традиция. Поняли? А вы испугались. Ануну, хоть название у нее дурацкое, а форма еще хуже, тоже корабль. Добро пожаловать!

Штурман отошел в сторону, и экипаж хлынул в коридор корабля. Я, с трудом вырвавшись из общего потока, подошла к капитану и спросила у него, где мой отсек.

– Пятый этаж, коридор ноль дробь семь девять, отсек пятьдесят восемь "а", – было мне ответом.

– Здорово! Наверно, долго учили? – вежливо одобрила я. Зуммеров молча посмотрел на меня выпуклыми глазами: я попятилась от него и двинулась по розовому коридору.

Царила ватная тишина, наши шаги, впечатываясь в ворсистое покрытие пола, не порождали звуков. Коридор завершился круглым залом с бесконечным числом лифтов. Вся обстановка тоже была выдержана в розовых тонах.

– Наш корабль – девочка! – услышала я реплику штурмана и постный ответ капитана:

– Розовый цвет положительно влияет на психику во время сверхдальних перелетов.

Я зевнула и побрела искать свой лифт, что было задачей

довольно трудной. В корабле оказалось двадцать этажей, то есть палуб, по незнакомо сколько отсеков на каждом. Значит, скорее всего, на транспортнике вместе со мной прилетела лишь малая часть тех, кто должен был тут восселиться. Однако лифт я все-таки нашла, втянула за собой еле чешущуюся сумку и отправилась на пятый этаж.

Лифт выпустил нас с сумкой в полутемный коридор с голубым потолком. Стены его сплошь состояли из дверей отсеков со светящимися номерками. Тишина тут была такая же или даже хуже, чем внизу, не было видно ни одного человека. Я, тяжело дыша и, почему-то, на цыпочках, отправилась на поиски своего отсека. Отсек оказался в самом сумрачном месте. Напротив входа в него был какой-то темный проем, где мутно виднелась лестница. Стараясь не поворачиваться к ней спиной, я толкнула дверь.

– Добро пожаловать! – закричал отсек хриплым женским голосом. Вспыхнул свет, стены радостно пожелтели. Быстро прикрыв дверь, я критически оглядела свое жилище и нашла, что дизайнеры корабля не расстарались. Посреди комнатки торчала универсальная кресло-тумба-холодильник-кровать, к которой с потолка свешивались непонятные проводки всех цветов радуги, в углу пристроились электрокнижка и электротетрадка, в круглом псевдоокне намертво застыло изображение ядовито-зеленого лужочка. Я поморщилась, пнула обиженно завизжавшую сумку в угол и плюхнулась на универсальное ложе. Тут же висящие прово-

дочки ожили и полезли ко мне. Отсек дал пояснение:

– Перед отлетом необходима разгрузка нервной системы, поэтому все пассажиры должны прослушать музыку своего мозга. Сейчас мы уловим ваши нервные импульсы и переложим их на синтезатор. Лежите спокойно!

Я застыла. Проводочки вцепились мне в волосы.

– После прослушивания музыки своего мозга у человека улучшается самочувствие, – грузил меня отсек, активно манипулируя проводочками. Я не без любопытства ждала, так как мне еще никогда не доводилось слушать музыку своих мозгов.

ГЛАВА 6

Лучше бы и не довелось. Я не поняла, правда ли именно это царило у меня в голове или система плохо законспектировала мои мозги, но неожиданно на меня полились звуки, напоминающие радиопомехи в смеси с волчьим завыванием, да такие громкие, что аж стены замигали.

– Выключите, пожалуйста! – заорала я.

– Каждый человек должен перед полетом прослушать музыку своего мозга, – отказалось помещение. – Это успокаивающе действует на нервную систему...

– Это действует на нервы! – закричала я, выдираясь из могучих объятий кровати. – Выключите, я не хочу это слушать.

Отсек, не удостоив меня ответом, увеличил громкость. Я, морщась, высвободила руку и постучала по полу, переводя отсек на аварийный режим работы. Музыка, к счастью, смолкла, но жилище не уgomонилось.

– Что случилось? – беспокойно спросило оно. – Какую вам оказать помощь?

– Голова болит, – не думая, отмахнулась я. – Включи мне радио.

Стены пошли пятнами, но мое пожелание было исполнено. К моей

радости, вместо помех и воя раздалась нормальная песня

с привычными словами:

– Ах, ах, у-у-у-уы. Ля-ля-ля-ля, – разливался женский голос.

Я, припомнив краткий курс песневедения, узнала стихи поэта-песенника Собачкина и, растянувшись на кровати, принялась по мере сил подпевать. Но в самый кульминационный момент, когда мы с певицей уже дошли до припева и теперь хором кричали: "Ой-ой-ой-дыры-дыры!!!", дверь моего якобы запертого изнутри отсека открылась и в комнату влетела девушка немногим старше меня, со стоящей дыбом черной челкой, длинной косой и выражением дикого ужаса на лице. Я ошарашенно замолкла и уставилась на нее. Девушка, нервно сглотнув, приблизилась ко мне, с трудом перебирая крепкими ногами, и сказала тихим писклявым голосом:

– Вас приветствует корабельный врач Денеб Шпилькина. Ваш отсек послал мне сигнал, что у вас сильная головная боль... Вы поэтому так кричите?..

Я фыркнула и сообщила:

– Да не кричу, а пою! Ничего у меня не болит, это я сказала, чтоб от меня отстал отсек!

– Ой! Ну какое счастье! – застонала Денеб Шпилькина, шмякаясь на пол. – Я уж думала, у тебя правда что-то болит! Ты школьница?

– Пятнадцатый класс, – сообщила я.

– А я студентка. Первый курс. Ой, как хорошо, что у тебя

ничего не болит, я же ничего не знаю...

– Да ничего, – машинально сказала я. – Слушай, а зачем ты тогда назначена корабельным врачом? Здесь же, насколько я понимаю, должны быть светила науки...

– Ну да, от нас и должен был полететь знаменитый профессор, – вздохнула Денеб. – Только он, как только ему об этом сообщили, вдруг сказал, что ему лететь незачем, так как у него есть студентка, которая жутко талантливая, и он хочет дать ей возможность проявить себя...

– Ты что, у него училась?

– Нет, он вообще меня не знал, но ему случайно попался в руки журнал со списком фамилий нашего курса. А у меня, как назло, там по семинару стояли одни пятерки...

– М-да, – качнула я головой. – Да не расстраивайся, меня выбрали как раз наоборот, потому что у меня тройки. От судьбы не уйдешь...

Будущий доктор уныло улыбнулась, черный глаз ее подернулся дымкой.

– Зато какой у нас симпатичный капитан! – сказала она мне на ухо.

– О вкусах не спорят, – отозвалась я, вздрогнув.

– Кстати о вкусах, – оживилась Денеб. – Можно наведаться в столовую нашего этажа.

– А что, еду в отсек не подают? – грустно спросила я.

– Нет, это сделано нарочно по просьбе психологов, чтобы люди больше общались между собой, – отозвалась корабель-

ный врач и потянула меня за руку.

Мысленно сказав пару неласковых упомянутым психологам, я все же пошла за ней, так как в обстановке простоты и незатейливости отсека действительно можно было свихнуться.

Столовая по шкале штурмана оказалась мальчиком, то есть была выполнена в голубых тонах. Стены ее изображали из себя морской аквариум. Людей было не особенно много.

Я приглядела столик, возле которого сновала туда-сюда по стене голодная на вид акула, и уместилась на голубой стульчик.

– Не садись! – с каким-то странным надрывом закричала Денеб.

Я удивленно переглянулась с акулой и только попыталась подняться, как стульчик подо мной сообщил мне ласковым, хоть и немного придушенным,

так как я сидела на динамике, голосом:

– Ваш вес – пятьдесят восемь килограмм – нормален для вашего роста и возраста. Подучите нормальную порцию.

Столик затрясся и выбросил из себя тарелку с питательной массой, выложенной в форме бабочки и подкрашенной для аппетитности в радостный розовый цвет. Рядом выплунулось зверски зеленое и очень жесткое на вид искусственное яблоко, на котором было поясняюще написано: "для тренировки зубов" – и стакан нежно-зеленой воды.

– У-у, – завистливо протянула Денеб. – А мне эти стулья,

если я на них сажусь, выдают диетические порции.

– А как же ты ешь? – удивилась я.

– А вот так. Дустик! Поди сюда, мой дорогой!

От соседнего столика отделился дистрофично-анемичный юноша с грустным лицом. Не дожидаясь следующей Денебовой реплики, он плюхнулся на ее место, и перепуганный столик немедленно выдал ему увеличенную порцию.

– Спасибо, Дустичек, – пропела Денеб. – Познакомься, это Дуст Бензинов, он тоже учился в моем институте, и за это послан сюда как лучший химик.

– Ну и как у вас с химией? – осведомилась я, точа зубы об яблоко.

– С инопланетян хватит, – проворчал несчастный и быстро удалился.

– Он всегда мне помогает, – прошептала Денеб. – По-моему, я ему нравлюсь.

– Надо же, – вяло удивилась я и принялась копаться ложечкой в пище.

Денеб, благоразумно не присаживаясь на стульчик, со свистом втягивала двойную порцию. Я исподлобья оглядела столовую и попыталась определить, есть ли здесь хоть один настоящий ученый или большинство такие, как моя новая знакомая. Настроение испортилось, и голубые стены его не поднимали.

ГЛАВА 7

– Привет, зуболомка, чего своих не узнаешь? – вдруг гаркнули прямо мне в ухо. Я унюхала крепкий запах кожаной куртки и буркнула, не поворачиваясь:

– А, здравствуйте. Когда полетим?

– А щас, надо еще путей прочертить, – штурман, весело трясая косичками, уместился на место Денеб. Столик благо-
склонно выдал ему нормальную порцию, которую он есть не стал, и, отодвинув на край, поинтересовался у меня:

– Слушай, Валюха, хочешь посмотреть на старт? Я тебя протащу в

рубку, – конечно, Андрюха будет нудить, ну ничего, понудит и перестанет. Пошли, а то у меня там ни одного человеческого лица... А какие роботы, это что-то нечто... Короче, сама увидишь. Идем-идем.

– Ты прямо нарасхват, – слегка поджала губы Денеб.

– А, это вы, результат ксенофобии профессора Дыркина? – радостно переключился на нее штурман. – Такой врач точно заставит всех следить

за своим здоровьем. Не знаю как ты, Валюха, но я вряд ли решусь заболеть. С точки зрения обожаемых всеми психологов это очень полезно: создается постоянный нервный подъем, как на войне...

Денеб вцепилась себе в дыбомстоящую челку и демонстративно отошла от нас.

– Вот этого-то я и добивался, – нагло заявил штурман и, выдернув меня из-за столика, потащил за собой. Акула на стене проводила нас голодным взором.

Путь в рубку был долог и мрачен. Приехав на последний этаж, мы шли в полнейшей темноте, ощупывая стены руками.

– Вам что, электричества жалко? – не выдержала я, споткнувшись в пятый раз.

– Да это нарочно сделано, чтобы всякие гаврики типа вас, пассажиров, сюда зазря не совались, – оскорбительно пояснил штурман, блестя в темноте зубами. – Сейчас будет свет, только наберем кодик...

Он что-то простучал, и я неожиданно обнаружила себя стоящей у открытой двери. За дверью располагалось просторное помещение, конечно же, круглое и, естественно, розовое. Все стены его были усеяны экранчиками и лампочками, около потрясающего количества вмурованных в стены компьютеров стояло завораживающее количество кресел. Прямо по курсу располагался самый громадный компьютер, видимо, главный.

– Иллюминаторов у вас тут нет? – удивилась я. Штурман расчихикался:

– Слушай, а чего нам от них толку? Ты думаешь, корабль тебе автомобиль? Для смотрения у нас есть смотровая пло-

щадка, иди туда после старта и пялься сколько надо.

– Логвин Эдуардович, я бы попросил удалить посторонних из рубки, – раздался откуда-то сбоку капитанов глас, а через некоторое время нарисовался и он сам.

– Здравсьте, – радостно сказала я, хлопая глазами, – Логвин Эдуардович меня предупредил. Можете смело начинать нудить, вы мне не мешаете.

Зуммеров выпучил на меня и так выпученные глаза, но штурман

быстро разрядил атмосферу:

– Андрюшка, давай путей чертить, а то и не знаем, куда лететь.

– А по радио говорили, что путь был уже давно разработан, – жалко пискнула я. Капитан задумчиво вздохнул и проскрипел:

– Займемся, правда, делом. Позвольте мне вывести на экран карту надлежащего района.

– Э, нет, не доверяю я этой штуке, – отказался штурман. – У него где-нибудь заклинит, как пить дать. У меня вот. – Он энергично порылся в кармане и извлек очень мятую и край-не потрепанную старинную карту звездного неба, имеющую такой вид, как будто на ней ежедневно ели.

Поплевав на руки, он разгладил ее на полу и опустился на колени. Капитан, морщась, подозвал ближайшее кресло и сел в него, я встала рядом на четвереньки. И все мы вгляделись в карту.

– Тэ-эк... – протянул штурман, неожиданно вытащив из-за уха толстую ручку и занеся ее над и так исчирканной бумагой. – Сейчас стартанем, до Проксимы пройдем через телепорты, а дальше они кончаются. Запасы воды и воздуха у нас обещаются вот на этой планетке...

– Она называется вроде бы АЭ1980-дельта? – припомнила я. Штурман уставился на меня.

– Ты откуда это взяла?

– Да нас заставляли учить по планетоведению. Тысяча наименований. Правда, я на тройку выучила только семьсот, – вздохнула я. – Так я правильно сказала?

– Да без понятия, – огорошил меня штурман. – Что я должен, каждое название помнить, тем более такое? Оно на картах написано. Буду я себе голову засорять. Ну ладно, в общем, после этой планетки обойдем здоровенную туманность из газа и пыли. Дальше, может быть, вот на эту планетку...

– Хны-515-альфа, – гордо сообщила я.

– Умница, умница. Наверно ты права.

– Я права, капитан? – подняла я голову к Зуммерову.

– А ты к нему не аппелируй, он учил только отсеки.

– Логвин Эдуардович, я буду вынужден вынести вам выговор с занесением, – видимо, оскорбился Зуммеров.

– Выноси с занесением, как-нибудь вынесу, – рассмеялся штурман. – Ну, а далее мы обогнем, если, конечно, получится, парочку активных областей звездообразования и попадем на место нашего randevu, в созвездие Рыбок. Все вме-

сте это займет около тридцати типа-дней. Плюс неожиданности... где-то полгода. Нормально.

Я слегка поежилась и поднялась с четверенек, правда, только

затем, чтобы снова на них опуститься, так как у меня подкосились ноги. Я неожиданно обнаружила, что мы в рубке не одни. В каждом кресле восседало по роботу. Причем, роботы были какие-то нетипичные, каждый имел свою индивидуальность: один походил на желтолицую пучеглазую куклу женского пола, другой имел красное лицо, стандартную форму и оскал вместо улыбки, третий вообще плохо сочетался по стилю сам с собой: его явно собрали из нескольких частей, четвертый, что самое неприятное, имел большое сходство с капитаном. Остальных я не разглядела, что не помешало этим самым остальным повернуть ко мне головы и просверлить меня глазами.

– Видала моих роботов? – гордо спросил штурман. – Даже не знаю, откуда нам их таких достали! Прямо коллекция.

ГЛАВА 8

Роботы продолжали тяжело смотреть на меня.

– Кто ж их сделал? – с трудом произнесла я.

– Хочешь прикол? А никто не знает! – хохотнул штурман.

– Привезли откуда-то партию. Вроде бы в дар. Конечно, что еще могут безвозмездно подарить...

На мое трясущееся плечо легла рука Зуммерова:

– Вам необходимо пройти в свой отсек. Через двадцать минут старт, – обронил он.

– Ты стартуешь через двадцать минут? – поднял брови штурман. – Поздравляю. Лично я вылечу через сорок.

Капитан сказал нечто вроде "хм-хм-буль-буль" и быстро отошел куда-то к стене.

– Сядь, Валюш, – пригласил штурман и направился к главному компьютеру. Я кинулась в кресельные объятия. Штурман лихо щелкал по кнопкам и водил пальцем по экрану, оставляя светящийся след-путь. Роботы, все как один, пялились ему на руки.

– Программа автопилота завершена, – вдруг громовым басом заявил компьютер.

– Здорово. А теперь стартовать все равно будем вручную, знаю я эти автопилоты, – радостно сказал штурман. Из угла донеслось шипение капитана:

– Ваше недоверие к технике становится просто смешным. Не понимаю, почему же вы признаете существование самого корабля, а не летаете на метле!

– На метлу разве влезет пятьсот человек? – вздохнул штурман. – Валюха, у тебя приятный женский голос, объяви через громкую связь на всю Ануну, что если все люди не убегутся в свои отсеки, их через десять минут начнет зверски тошнить. А если уберутся, их будет спокойно тошнить в отсеках.

– И долго это продлится? – жалобно вякнула я.

– Да не очень, часиков пять, пока запустятся все системы регуляции, – обнадежил меня штурман и протянул небольшой беспроводной микрофон. Я включила его и, пытаясь подделаться под стиль речи капитана, объявила:

– Внимание! Информация для принятия к сведению: в ожидании грядущего старта вам надлежит как можно быстрее удалиться в предназначенные вам отсеки во избежание затошнения и дискомфорта, которые продлятся всего лишь пять часов. Приятного полета!

Я кончила и подняла глаза, ожидая одобрения, но его не получила, потому что штурман сполз на пол, заливаясь истерическим хохотом, а капитан просто повернулся ко мне затылком. Роботы пялились на экраны.

Я обиженно пожала плечами и вернулась в свое кресло. Штурман, все еще похохатывая и изредка шмыгая носом, положил руки на кнопки. Роботы недовольно сделали то же са-

мое, мерзко поглядывая то на меня, то на капитана.

– Ну, стартуем, гаврики, сейчас вам будет слегка не по себе, – сообщил штурман по громкой связи и четко сказал:

– Шлюзы за собой закрыли, иллюминаторы? Как состояние корабля?

– Корабль готов, – жутким голосом, не имеющим ничего общего с человеческим, рявкнул робот, похожий на куклу.

– Не пугай, мы еще летаем! – шикнул на него штурман.
– Первый поворотный двигатель!

– Я! – охотно проревел краснолицый робот страшным басом и что-то у себя нажал.

– У них и голоса разные! – поразилась я, но больше ничего сказать не успела. Первый поворотный дал о себе знать совершенно жуткими ощущениями. Я обрадовалась, что сижу не у себя в отсеке, тот наверняка удумал бы включить мне успокаивающую музыку, от которой и так всегда тошно.

Глаза капитана просто вылезли из орбит. Штурман даже не поморщился, зато выкрикнул целый залп указаний:

– Второй поворотный! Первый тормозной! Второй тормозной! Ориентировка!

В глазах у меня посинело, роботы радостно защелкали кнопками. Синь рассеялась минут через пять. Надо мной склонился штурман.

– Мы уже летим? – спросила я слабым голосом.

– Нет, – ласково ответил он. – Мы еще не стартовали. Это я развернул корабль. Так что быстро подумай о чем-нибудь

приятном, стрессы сокращают жизнь.

Я закрыла глаза и морально подготовилась к самому худшему. Оказалось, не зря. Последующие вроде бы безобидные требования штурмана включить первый, второй и третий разгонный двигатели произвели потрясающий эффект.

– Логвин Эдуардович, не трясите так! – услышала я жалобный выкрик капитана.

– Ладно, скоро выйдем в ровный космос! – в его же стиле отозвался штурман. И вправду, кошмарное состояние понемногу отступило.

– Ну все, Валька, иди поспи теперь, – велел мне штурман, вставая из-за своего компьютера. – Навещай нас при случае...

Я обессилено кивнула и выплелась из рубки восвояси.

На моем родном пятом этаже царило дикое оживление. Весь коридор был забит пихающимися людьми. Последовав их примеру, то есть попихавшись, я нашла эпицентр. Он располагался в отсеке с надписью: "Корабельный врач". В этот отсек барабанили кулаками несколько человек, зверски крича:

– Нам необходима медицинская помощь!

– Подождите минутку, – отвечал из-за двери слабый-пре-слабый голос Денеб.

– Эй, – закричала я, пнув дверь отсека ногой. – Впусти меня! Отойдите, я помощник врача!!!

Дверь отсека молниеносно открылась и тут же закрылась,

прищевив мне волосы. Предо мной стояла бледно-зеленая Денеб.

– Что мне делать, Валя? – зашептала она. – Такая куча пациентов... Что с ними?!

– Не знаю, я не спрашивала. Но давай поставим это дело на поток. Половину людей возьмешь ты, половину – я. А напрягаться не надо. Говори одну фразу: "Это у вас последствия стартовой перегрузки". Наверняка так оно и есть. А если нет, подкорректируем на ходу. Впускай!

ГЛАВА 9

Ужас, который начался по моей команде, продолжался и кончаться не думал. Попутно я поняла, что корабль населяет не одна молодежь, даже, скорее, наоборот. И если людей моего возраста кое-как удовлетворяло мое краткое объяснение их состояния, то старички просто так сдаваться не собирались.

– Гудит в голове, как будто весь мир переворачивается, – с бодростью, несогласующейся с ее словами, доказывала мне сухая старушка.

– На 180 градусов? – уточнила я. – Это у вас последствия стартовой перегрузки.

– Нет, на 90, – не сдалась бабушка. – На боку все лежит, и все тут! А рука дрожит!

– Это от нервов, а нервы от перегрузки, – упорно гнула свою линию я.

– Да нет, это у меня до перегрузки началось!! – вдруг заорала старушка, пытаюсь взять меня за грудки. Я прижалась к стенке и пролепетала:

– Простите, как ваше имя-отчество?

– Дмитрия Евгеньевна, – проворчала бабка. Я припомнила краткий курс истории имен и поняла, что мода на мужские имена у женщин была лет сто назад. Я с ужасом посмотрела

на бабульку.

– Я здесь присутствую как представитель долгожителей, – сообщила она мне.

– Тогда это у вас от возраста, – вздохнула я.

– Нет! – взвыла долгожительница. – У меня никогда ничего не болело!

– Так вы же сказали, что у вас заболело раньше, чем началась перегрузка!

– Не заболело, а затряслось!

– Нельзя ли побыстрее?! – закричала какая-то женщина пронзительным голосом.

– Идите вон к Денеб Шпилькиной! – огрызнулась я.

– Нет, только не ко мне! – завопила Денеб из кучи людей. Медицинский отсек врубил успокоительный музон. Я схватилась за голову...

– Так, что у нас тут? – послышался глубокий бас, и меня за плечо тронула чья-то рука. Я открыла прижмуренный глаз и увидела невысокую изящную женщину с витиеватой башней на голове и ртом, стремящимся к ушам.

– Вы кто? – простонала я. Незнакомка обняла уши ртом и пробасила:

– Ну так, я врач с другого этажа, Синдерелла Ивановна...

– Что, на каждом этаже свой врач? – вытаращила глаза я.

– Ну да.

– Ой, а я думала, что я одна! – закричала Денеб.

– Ху-ху-ху, – странно засмеялась Синдерелла Ивановна.

– Да нет. Какие у вас проблемы, женщина?

– Кружится, дрожит! – обрадовалась бабуська.

– Хорошо, сейчас я вам скажу список болезней, которые у вас могут быть, и процедур, которые вам нужны... – похлопала ее по плечу Синдерелла Ивановна и уселась рядом со мной.

Я утерла пот со лба, выпрямилась и сменила пластинку: вместо фразы "это у вас последствия перегрузки" я произносила: "Это вам к Синдерелле Ивановне, становитесь в очередь."

Через три часа люди, наконец, кончились. Старушка-долгожительница ушла, нежно прижимая к себе свой компьютер-тетрадку с внесенным в нее списком болезней. Медицинский отсек изображал шум морской волны.

– А вы мне понравились, девочки, – сказала Синдерелла Ивановна, похлопав сперва по мне и потом по Денеб. – Я вас хочу немножко подучить. Все равно нам лететь еще долго. А пока что можете отсылать пациентов к отсеку. Он дает элементарные советы. Хлопните три раза.

Я послушалась. Шум моря смолк, на одной из стен появилось крупное женское лицо, на котором сочувствие переменилось с беспокойством.

– На что жалуетесь? – участливо спросило оно.

– Голова гудит, мир переворачивается, руки трясутся, – проэкспериментировала я.

Лицо улыбнулось.

– Это у вас последствия стартовой перегрузки, – ласково сказало оно.

Денеб зашлась пронзительным пороссячим смехом, я поморщилась.

– Ну тогда приходите ко мне на обучение. Завтра, – охватила улыбкой все лицо Синдерелла Ивановна и быстро вышла из отсека.

– Ой, ну и ну! – хрюкнула Денеб.

– Многострадальные пассажиры Ануну! – вдруг четко прозвучал над нами голос штурмана. – Если кто-то еще хочет застать солнечную систему, поднимитесь на смотровую площадку,

– Лифт бета-ноль дробь пятнадцать! – вмешался голос капитана.

– А сейчас вам чего-то отчудит корабельный психолог. Передаю микрофончик, – сообщил штурман, и его сменил голос, похожий на обволакивающую сладкую массу:

– Поскольку нам предстоит проход через телепорты, мной будет проведена психологическая консультация на эту тему, которая состоится

на смотровой площадке. Советую посетить.

– Привет всем! – заключил штурман, и связь отрубилась.

– Интересно, – задумчиво спросила Денеб, – капитан будет на этой консультации? Давай сходим!

– Да ну, иди лучше одна, – махнула я рукой. – Я и так устала, а тут еще консультация...

– Как хочешь! – почему-то обрадовалась этажный врач Шпилькина и, поправив волосы, вышла вслед за мной в коридор. Я направилась к

своему отсеку и похлопала по нему.

– Вход запрещен, – отозвался он.

– Как это? – очумела я.

– Вы провели в отсеке слишком много личного времени, у вас может начаться депрессия, советую вам посетить психологическую консультацию.

Я зарычала и, разбежавшись, треснула по двери ногой.

– Очень советую посетить психологическую консультацию! – помолчав секунд десять, произнес отсек. – Ее крайне эффективно проведет профессор Звездолет Андреевич Энтропиев.

– Денеб! – закричала я, – подожди меня.

– Жду, – сочувственно отозвалась подруга. – К лифтам очередь. Я пробралась вперед, нас ждет Дуст. Пошли.

– Нас ждет Звездолет Андреевич, – поправила я.

ГЛАВА 10

На смотровой площадке было страшно и людно. Пытаясь отделаться от ощущения, что я нахожусь в открытом космосе, и перестать задерживать дыхание, я торчала среди толпы. Периодически кое-где мелькали нестандартные роботы с нездоровым цветом лиц и кричали:

– Соблюдайте дистанцию! Отойдите назад на десять сантиметров! Скученность людей ведет к давке!

При этом роботы бодро обхватывали щупальцами очередную жертву и оттаскивали ее назад. Я заранее шарахнулась от спины Денеб, стоящей передо мной, за что проезжающий мимо робот пнул меня сзади и прогудел:

– Нельзя делать слишком большую дистанцию. Это ведет к неравномерности распределения толпы и давке.

– Все дороги ведут к давке! – философски заметила я и уставилась в космос, пытаясь отыскать солнечную систему, но увидела лишь мириады звездочек. Пол подо мной переливался всеми цветами радуги. Все посетители площадки застыли в созерцании, и в эту величественную картину единения человека и космоса влился тягучий голос корабельного психолога:

– Добро пожаловать на сеанс групповой психотерапии. Для начала мы должны поговорить о проблеме телепорта-

ции. Многих людей часто беспокоит вопрос: я или не я буду я после прохода моего я через телепорт вместе с кораблем, который тоже являет собой некое коллективное я, и если это я заменится на "не я", как это заметить?

Все, кто в этот момент не говорил, продолжили молчание. Денеб, кокетливо хихикая, толкала плечом стоящего рядом с ней Дуста, тот вяло улыбался.

– Более того, при проходе через второй телепорт возникает другая

проблема: а как изменится уже прошедшее через первый телепорт "я", если оно уже заменилось на "не я"; будет ли оно "не не я", что, собственно, означает "я", и как оно будет отличаться от "я" изначального?

Молчание углубилось.

– В связи с этим возникнут психологические проблемы, и потому я всегда рад буду устроить еще несколько своих консультаций после прохода через телепорты! – продолжил психолог наводить морок.

– Можно вопрос? – раздался трижды знакомый мне голос штурмана:

– Есть ли смысл ходить на консультацию, тогда как ваше "я", проводящее ее, уже успеет, пройдя через телепорт, превратиться в "не я" и не сможет дать нашим "ям" ничего полезного?

– Этот вопрос достоин обсуждения! – оживился Звездолет Андреевич. – Я с удовольствием обсужу его сейчас!

На нас опять посыпались бесконечные "я", и много раз упомянутая я быстро перестала слушать. Мне почему-то захотелось отыскать штурмана, что я и принялась делать.

Он отыскался поблизости от возвышения, на котором проповедовал психолог. Рядом, как всегда, торчал капитан, и оба о чем-то серьезно разговаривали. Я выглянула из-за чьей-то обалдело подрагивающей спины и прислушалась.

– Не понимаю я этих роботов, Андрюша, – встревожено говорил штурман. – Чего-то они ковыряются своими щупальцами, где не надо. Даже неохота их одних оставлять.

– Вы зря беспокоитесь, Логвин Эдуардович, – ответствовал капитан. – Вы же не сможете все свое время проводить в рубке, тем более, что это вовсе ни к чему. Роботы нестандартизованы, но обладают необходимыми навыками.

– А кто нам их доставил, ты мне скажи? – с каким-то странным напором продолжал штурман.

– Роботы доставлены по моему заказу, – равнодушно отозвался Зуммеров. – Я вижу, Логвин Эдуардович, вас дожидается Валентина Козлова, но я бы лично советовал вам не сближаться с рядовыми членами экипажа.

– А я бы тебе посоветовал идти и учить свои отсеки и лифты, – фыркнул штурман. – Валюш, иди сюда. Подозвать тебе кресло?

– Да не надо... – сказала я, неожиданно для себя опуская глаза и начиная крутить пуговицу. – Я хотела спросить: вы, наверно, проходили через телепорты?

– Ну конечно, много раз!

– А вы уверены, что вы никак не изменились, и что ваше "вы"...

– Твое ты, – сказал штурман. – В смысле можешь мне тыкать, я не обижусь. Ты будешь одной из моих приближенных, что-то в тебе есть хорошее. А насчет телепортов: сколько раз проходил, столько раз ничего не замечал. Так что даже если это будешь не ты, ты ничего не заметишь.

– Ну ладно, – несколько успокоилась я и плюхнулась в подползшее кресло.

– Всё, мы за пределами солнечной системы, – сообщил мне штурман и заправил за ухо одну из своих косичек.

– А толку-то, я ее все равно не могу различить, – отмахнулась я.

– А ты чего ожидала, что на нее указатель будет, что ли?! – расхохотался штурман. – Вот смешная! Слушай, если ты не возражаешь, то пойдем отсюда восвояси, приглашаю тебя в корабельный сад: говорят, есть здесь такой, хотя я лично его еще ни разу не встречал. Ничего, сейчас поищем.

– Меня, небось, отсек обратно не пустит, для школьников же режим: в десять часов они должны спать.

Штурман изумленно воззрился на меня:

– Фу ты, а я опять забыл, что ты школьница. Выглядишь взрословато. Тебе, небось, лет восемнадцать?

– Почти двадцать, – отозвалась я.

– Мда, ну и школьники пошли. Скоро до пенсии учиться

будете! – покачал штурман головой.

– Объем знаний, увеличивающийся с каждым годом, должен быть полностью усвоен подрастающим поколением, – отскочило у меня от зубов как под действием приборчика "Мну-5" выражение.

– Бедняга, – пожалел меня штурман. – Отдыхать тебе надо больше. Небось, часто школа снится?

– Я тут еще не спала, – мрачно отозвалась я. – И, видимо, не буду.

– Знаешь что, Валюш? – сказал штурман, пощипывая брыкающееся кресло. – Давай-ка я переведу корабельное время на час назад, поскольку оно в моем ведении. И им уже хуже не будет, – он кивнул на людей, внимающих разливающемуся психологу, – и тебе лучше.

ГЛАВА 11

Уже давно царила условная ночь. На потолке коридора для убедительности загорелись симпатичные звездочки и луны. Под их светами я пробиралась к своему отсеку, напевая на мотив популярной песенки "Ах ты тьфу, ду-ду, бу-бу" фразу "Ануну лежит во сну", подделываясь под стиль древней поэзии, когда еще рифмовали слова, а бедные школьники их учили. "Откуда это у меня взялся поэтический талант? – подумала я. – Вроде бы никогда не было." И тут же запела:

– Ануну лежит во сну! Светят звезды и луну! Ну и ну, ну и ну, быть поэтом мне дану!

Я в восторге подпрыгнула на глушащем звуки полу и пошествовала дальше.

Переведенное на час время мало помогло. Все равно сейчас было уже часа на три больше чем десять, но это меня не беспокоило, как, впрочем, и то, что сад мы со штурманом так и не нашли: то ли он еще не вырос, то ли мы проворонили нужный лифт.

– Бу-бу, ду-ду, – пробормотала я, ощупывая дверь отсека и вроде бы даже освещая его своим сияющим лицом. – «Любовь – это сложная реакция на особь противоположного пола, сопровождающаяся дистоническими изменениями, основанная на сходстве биоритмов», – сообщила я опреде-

ление из чувствоведения, которое на самом деле было, конечно, длиннее, но и за это ставили тройку.

Отсек, как это ни странно, распахнул передо мной двери. Стены ласково пофиолетовели, едкий лужок в псевдоокне сменился ужасно-синим морем: видимо, хромала цветовая настройка. Универсальное ложе недвусмысленно потянулось ко мне.

– Сейчас, сейчас, – успокоила его я.

– Перед сном полезно прослушивать музыку своего мозга... – зловеще сообщил отсек.

– Одно из двух: или прослушивать буду не я, или мозг будет не мой, – отрезала я и пошла в приглашающе зеленеющий ванный угол, чтобы принять душ.

– Если вы будете так поздно приходить, я сообщу об этом корабельному врачу, – зудел отсек, окатывая меня водой.

В ответ я хлопнула по стенке, включив свою любимую песню, а поскольку песня была не только самой любимой, но и самой громкой из моей коллекции, отсеку пришлось замолкнуть. Вскоре я, уже сердито вытертая отсековым мохнатым полотенцем, лежала в довольной кровати.

– И-и-иех, ку-ру-му-руу... – лирично пела моя любимая певица. Тут я вспомнила про сочиненные мной вирши, и, боясь забыть их, сказала:

– Преобразуйте стены для надписей, пожалуйста.

Стены молча почернели. Я протянула палец и вывела розовые светящиеся буквы моего стиха про Ануну.

– Стереть? – спросил отсек.

– Еще чего! – вскинулась я. – Не стирать. Выключи свет и музыку.

Отсек так же молча повиновался. "Видимо, обиделся", – подумала я и уснула.

Радужные мои сны могли бы, казалось, длиться бесконечно, но неожиданно наступило вовсе не радужное пробуждение. Я проснулась, попросту говоря, от того, что отсек орал хором из нескольких голосов:

– Внимание! Проходим через телепорт! Не волнуйтесь, соблюдайте спокойствие!!!

Я вскочила и заметалась по отсеку, натыкаясь на стены.

– Соблюдайте спокойствие, – надрывались луженые глотки моего жилища. – Нет причин для волнения!!! Продолжайте сон!!! Проходим через телепорт!!!

– Какой сон?!! – заорала я, пытаясь включить свет. – Прекратите вопли! Или освещение включите!

– При проходе через телепорт свет должен быть выключен на всем корабле из-за не касающихся вас причин! – нахамил мне отсек. – Успокойтесь!

Я ощупью добралась до кровати и обнялась с ней, с ужасом ожидая, что я, того и гляди, на своих глазах стану не мной.

Тут среди крошечной тьмы вдруг засветился экранчик компьютера-тетрадки. На нем появились лица мамы и папы, с минуту я смотрела на них, как на инопланетян, потом по-

трясла головой и, подползая к компьютеру, включила связь.

– Валечка, здравствуй, как ты там? – немедленно налетела на меня мама. – Ты там обустроилась?

– Да, – кратко отозвалась я, так как только на этом слове у меня не трясся голос.

– Валюшенька, ты там занимаешься, Ирина Марсовна спрашивает?

– Передайте ей, что нет, Валя Козлова отвечает, – сердито ответила я.

– Вот именно, – как всегда не вовремя влез чем-то занятый папа.

– Ты другие-то слова знаешь?! – застонала мама. Папа поднял голову:

– Знаю, но тебе они будут неинтересны. Очень много терминов. Валюша, учи там уроки!

– А сейчас-то почему у тебя так темно? – забеспокоилась мама.

– Ночь потому что, – пояснила я. – Не волнуйтесь, я вернусь не скоро. Отсек у меня хороший, заботливый... Стих сегодня написала.

– Ой, умница! – восхитилась мама. – Не прочтешь?

– Потом. Ну, вообще, ладно, – легко сдалась я и огласила свои

вирши.

– Восхитительно, – одобрила мама. Папа что-то промычал. – Прямо

как настоящий поэт!

– Ну ладно, – небрежно сказала приосанившаяся я. – Мне пора,

до встречи, – и решительно ткнула кнопку отключения. Тут же, как по ее мановению, включился свет, и отсек сказал своим нормальным ласковым голосом:

– Телепорт пройден.

Я растерянно поднялась и посмотрела на свои руки, потом на ноги, потом попыталась посмотреть на спину и упала на кровать. Логвин, то есть штурман, был прав. Я совершенно ничего не чувствовала.

– И стоило так орать? – укорила я жилище.

– Во избежание волнений, – отрезало оно. Я вздохнула и погрузилась в прерванные радужные сны.

ГЛАВА 12

Шла вторая неделя нашего полета. Потихоньку наступало серо-голубое корабельное утро, потолки светлели, однако я и Денеб давно уже были на ногах, а точнее, на стульях в отсеке Синдереллы Ивановны. Пациентов не было: даже отчаянно больные люди вряд ли могли бы себя заставить встать в такую рань, да еще если учесть, что все две недели ни одна ночь не обошлась без прохождения телепортов. Мои соседи по этажу давно пытались подать капитану жалобу на штурмана, но я отговаривала их как могла по понятной причине.

Хотя с этой причиной виделись мы не так уж часто: он почему-то не хотел надолго покидать рубку, а я тоже обрастала делами. Синдерелла Ивановна взялась за нас с Денеб весьма плотно, и теперь мы только и делали, что зубрили громадные списки названий болезней и способы их лечения, а также изучали анатомию на голографическом, но очень противном макете. Денеб еще, к тому же, приходилось проводить хирургические операции на схематичном макете человеке, а из меня Синдерелла Ивановна, к счастью, решила сделать инфекциониста.

– Ну, так на чем мы остановились? – поинтересовалась Синдерелла Ивановна.

– На гриппе, – мрачно отозвалась я. – А откуда, по-ваше-

му, тут может взяться грипп и вообще инфекции? Корабль ведь закрыт.

– Ничего, откуда-нибудь возьмутся, – успокоила меня Синдерелла Ивановна. – У нас ведь будет высадка на планете для пополнения запасов. А простуды, я думаю, все равно начнутся, когда заработает бассейн. И таблеточки ты у меня будешь синтезировать... Денеб, вы оставили его без мозгов.

Денеб, вяло кромсающая учебный манекен, хмуро вздохнула и, подождав пока он примет прежнюю форму, принялась за старое. Я сообщила все о гриппе и начала учить способы лечения, остро ностальгируя по "Мну-5".

Наконец, подошло время завтрака. Я подняла глаза от плоскости стола со списками и осторожно сказала:

– Ну, я, наверно, пойду. Мне с кое-кем надо встретиться.

– А с кем? – оживилась Синдерелла Ивановна, обожающая посплетничать.

– Со штурманом, – ответила за меня Денеб.

– Да ну?! – еще больше оживилась Синдерелла Ивановна. – А ты знаешь, он неплохой человек, я с ним который раз летаю, только вот знаешь, что я о нем знаю?

– Не знаю, – буркнула я. Синдерелла Ивановна щелкнула пальцами. Отсек потемнел стенами и включил таинственно-гнетущую музыку.

– Сколько я его знаю, – влила в нее свой бас Синдерелла Ивановна, – он на Земле бывает очень редко... И никогда не заходит домой. Если он, конечно, вообще где-то живет... И

ничего не рассказывает о своих родителях...

– Если, конечно, они вообще были, – добавила я. Денеб фыркнула.

– Зря смеетесь! – проурчала врачиха, дирижируя отсеком, который все нагнетал атмосферу. – Может, и были, конечно, но все это очень странно... Да и вообще, учился ли он где-нибудь управлять кораблем? Знаете, когда я впервые его увидела? Он прилетел из какого-то дальнего рейса.

– Ужасно подозрительно, – прошипела я, теряя терпение.

– Но ведь его никто не помнил! – возопила Синдерелла Ивановна. – Однако в документах он был... А, честно говоря, сейчас рейсов так много, что за всеми не уследишь...

– Ну, значит, и не уследили, – прервала ее я. – И вообще, даже если он прилетел из дальнего рейса, его никто не помнит, и он мало бывает на Земле, почему из этого следует, что я не могу с ним встречаться?!

Отсек резко оборвал завывания и перешел на веселенькую детсадовскую мелодийку, так как задумавшаяся Синдерелла Ивановна перестала дирижировать.

Я махнула рукой и вышла из отсека. В коридоре я столкнулась с бабусей-долгожительницей. Она вприпрыжку поспешала в обратном мне направлении, шепча что-то про гудение в ухе. Я решила не ждать Денеб и отправилась на свой этаж.

У Ануну сегодня, судя по всему, был какой-то личный праздник: кроме традиционного меню я получила неболь-

шое корытце, на котором, чтобы было понятно, что находящаяся в нем субстанция съедобна, значилось: "Сладкая смесь. Способствует деятельности мозга".

– А вид ее укрепляет нервную систему, – добавил появившийся штурман, и я поняла, что прочла надпись вслух.

– Пойдем пройдемся, Вальш, – продолжил он. – В корабельный сад – он как раз сегодня отрос. Если ты согласна, пошли быстрее, а то я у Андрюшки спросил на каком лифте ехать и куда поворачивать, с минуты на минуту забуду.

Я без сожаления отодвинула смесь для улучшения мозговой деятельности и направилась к лифту.

Сад превзошел мои довольно, впрочем, опасливые и скромные ожидания. Это было совершенно необозримое помещение, границы которого я не разглядела, как ни старалась. С потолка лился свет, похожий на солнечный, под ногами была трава, похожая на настоящую, из нее торчали кусты и деревья, между которыми виляли заманчивые тропинки. Я бросилась вперед и со всего маху вляпалась в стену.

– Ой, Валька! – воскликнул штурман, давясь своим дурацким смехом. – Да куда ж ты размахалась? Это ж коридор! А стены изображают пейзаж в перспективе!

– А тропки за кой сделали? – зарычала я.

Бредущие мне навстречу по саду-коридору люди сочувственно посмотрели на меня. Я махнула рукой и устало присела на травку, прислонившись спиной к необозримой дали в перспективе. Где-то что-то пшикнуло, и в воздухе едко

повеяло розой; откуда-то с потолка слетела большая желтая бабочка, полетала туда-сюда по правильной синусоиде и со щелчком приклеилась обратно к потолку. Я потерла лоб и неуверенно сказала:

– Слушай, Логвин, что-то я хотела у тебя спросить...

И тут все мысли и вопросы выскочили из меня и убежали с криками ужаса, так как я увидела, что из-за торчащего неподалеку куста на меня мерзко пялится робот с вытянутой лимонной физиономией. Когда мои глаза и его красные фары встретились, он бесшумно попятился и скрылся в глубине сада-коридора.

ГЛАВА 13

Я открыла рот для жалобы, но себя не услышала, так как по громкой связи раздался молодой и свежезамороженный голос Зуммерова:

– Командование корабля просит пассажиров в количестве всех лиц пройти на третий этаж с целью прослушивания лекции о правилах безопасности поведения себя с иными формами жизни, встреча с каковыми состоится по прибытии в созвездие Рыб. Посещение лекции обязательно: в случае непосещения индивидуум будет отстранен от контакта с иным разумом.

Перед моим внутренним взором замаячили портфель и гора учебников.

– Вы что, недостаточно инопланетников наизучались? – удивился штурман.

– Два семестра, – пожала плечами я. – Двадцать контрольных: у меня по восемнадцати – тройки, по двум – четверки.

Штурман посмотрел на меня непонятно почему с огорчением и довольно невесело сказал:

– Я так понял, что если ты пойдешь на эту лекцию, свидимся мы только ночью.

– Отсек будет жутко недоволен, – хмыкнула я. – Он и так вчера нарочно стер мои стихи, когда я велела их не трогать,

а потом отговаривался тем, что у него хромает система распознавания речи. Но я их и наизусть помню. Вот:

"Я стою у руля
Космического корабля,
Вдаль уходит Земля
Ля-ля-ля-ля-ля-ля"
Ну, как?

– Уже лучше, – серьезно отозвался штурман. – Ладно, пойду вместе с тобой на лекцию, а то вдруг меня не допустят к встрече с иными формами жизни? С них станется. – Он вздохнул и соорудил из своих волос толстую косу. Я тоже заправила прическу за уши, и мы, как в бой, ринулись в уже переполненный лифт. Пару раз застряв и самопочинившись, он-таки вывалил нас на третий этаж, который представлял собой такое же необозримое пространство как сад, только, в отличие от него, настоящее. На блестящем розовом полу располагались ряды приветливо мигающих парт, под потолком висел огромный экран, ни к чему не крепившийся: видимо, антигравитационный. Вываливающихся из лифтов испуганных людей хватали стоящие на страже роботы и запикивали их в разные ряды, сообразуясь с ростом, возрастом и, вроде бы, зрением. Один из них, похожий чем-то на виденный мною утром манекен для изучения анатомии, уже направился к нам, но мы, не сговариваясь, большим скачком оказались около одной из парт и сели за нее. Робот, к счастью, отстал.

Я приподнялась было, пытаюсь высмотреть кого-нибудь еще знакомого, но тут мягко светящиеся стены неожиданно потухли. Потом во тьме появился лучик света: он выхватил сухопарую даму со скучным лицом, а также антигравитационную кафедру, к которой она направлялась. Дама нажала что-то на кафедре, та засвистела и медленно полезла вместе с ней вверх, к самому экрану. Я так задрала голову, что у меня чуть не отвалилась шея. Парта заботливо прогнулась чуть не до состояния кровати. Я, воспользовавшись этим, легла.

– Здравствуйте, меня зовут Лань Квазаровна Задумильская, – голос дамы был не таким скучным, как ее лицо, зато злобным и раздраженным. – Тут, как я понимаю, некоторые люди воспринимают полет как отдых. Однако это большая работа и ответственность, о которой не следует забывать, а, напротив, следует помнить. Для того, чтобы при контакте с иными формами жизни вы показали себя в достойном свете, у вас и будут проводиться эти лекции по инопланетоведению.

– Кошмар!!! – прогремел вдруг оглушительный шепот.

– Да-да, – сказала Лань Квазаровна. – Прощу не нарушать тишину, парты снабжены микрофонами, и ваши посторонние разговоры не будут не слышны, а напротив, будут раздаваться во всеуслышанье. К тому же, после третьего нарушения тишины одним человеком, он будет высвечен на всеобщее обозрение.

В наступившей тишине, казалось, можно было услышать,

как шумит за стенами вакуум. Я застыла и осторожно перевела дыхание.

– Прежде всего, дадим определение инопланетянина, – переходя со злого голоса на скучный, сообщила Лань. – Инопланетянин – это человеко– или нечеловекообразный индивидуум, проживающий с рождения на отличной от Земли планете.

– А если человек родился в колонии на Луне или Марсе? – прогремел чей-то шепот, как я с ужасом поняла, штурмана.

– Не надо меня перебивать, а, напротив, надо слушать и все запоминать к зачету, – угрожающе сказала Лань Квазаровна. – Пути сообщения с иными формами жизни являются: а) радиолокация, б) обмен присылаемыми предметами, в) контактирующее взаимодействие. Контактующее взаимодействие бывает двух видов: непосредственное и...

– Посредственное, – раздался голос штурмана. Я попыталась в темноте закрыть ему рот компьютером-тетрадкой. Еще одно слово, и его высветят!

–...И через предохранительные преграды в случае несоответствия состава воздушной атмосферы.

Тут я подумала, что кто будет обожать эти лекции, так это капитан Зуммеров с его манерой выражаться. Тем временем экран вспыхнул, и на нем появился не очень качественный рисунок, изображающий какую-то собакогориллу в разрезе.

– Такой вид гуманоидной расы сконструировали на основе последних данных наши ученые, – мрачно оповестила

Лань. – Впрочем, внешнее строение инопланетян вам было известно по школьной программе. Мы же займемся сейчас их сообщением номер 10350, в котором они сообщают данные о количестве населения на своей планете, а также указывают ее координаты, свои меры веса, времени и пространства, химический состав воды и почвы.

На экране возникли бесконечные таблицы. Я со вздохом подтянула к себе компьютер-тетрадку и принялась конспектировать.

– Извините! – сказал вдруг штурман отнюдь не извиняющимся тоном, и тут же его высветил мощный луч осуждающе-красного цвета. – Разрешите мне выйти по уважительной причине!

– Не надо выдумывать уважительные причины, а надо, напротив... – занудила Лань Квазаровна, но тут резко вспыхнул общий свет, а с потолка раздался, судя по всему, чей-то сильнейший кашель, плавно перетекший в механический, но отнюдь не нежный голос:

– Отклонение от курса!!! При отсутствии принятия мер будет выполнена автокорректировка!

– Нет, только не это! – крикнул потолку штурман. – Мы же потом вообще курс не найдем!

– Иди в рубку! – закричала я.

– Когда я успею! – возразил он, показывая на толпу народа, бросившуюся к лифтам. Лань Квазаровна, судя по всему, застряла под потолком: она судорожно что-то нажимала

на кафедре, но та лишь посвистывала и покачивалась. Снова вырубился свет, а может, у меня потемнело в глазах: видимо, началась автокорректировка. Напоследок я снова услышала чей-то кашель и, попытавшись вспомнить, как его лечить, видимо, отключилась.

ГЛАВА 14

Очнулась я в медицинском отсеке, правда, не в своем и не Синдереллы Ивановны, а в каком-то незнакомом. Я лежала на всполошенно пищающей диагностической кушетке, рядом примостился неизвестный молодой человек с черными усами и глазами. Он держал в руке какую-то полоску и водил ей по воздуху. Я испуганно вскочила.

– Ну вот и восстановили биополе, – тихо сказал молодой человек.

– Вы мне лекарство какое-то дали? – ошалело спросила я. Он странно посмотрел на меня и сказал еще тише:

– Лекарства вредят организму. Гораздо полезнее, как показывает народная мудрость, правильно произнесенный заговор и снятие негативной энергии.

– Вы кто такой? – с ужасом прошептала я.

– Я? – тихо удивился он. – Я врач этого этажа. Взял в качестве представителя истинной медицины.

– Экспериментальной медицины? – переспросила я и в ответ получила непонятный взор.

– Какая медицина истинна – рассудит время, – тихо заметил он.

– Это конечно, – так же тихо согласилась я и шепнула отсеку: "Открой дверь". Отсек, к счастью, послушался, и я с

криком, "извините, коллега, дела", выбежала из него и по-неслась по коридору. Тут же, естественно, на пути мне попался какой-то быстро бегущий человек, и мы столкнулись лбами.

– Вы помощник врача, Козлова? – звонким голосом поинтересовался ушибленный: худой мальчишка лет тринадцати с большими синими глазами и рыжими гладкими волосами. – Я врач десятого этажа, Антон Мухоморов, пришел за вами по просьбе Денеб Шпилькиной, ей сказали, что помощник врача находится у врача...

Мальчишка сбился и закусил губу.

– Ну, – ласково подбодрила его я.

– И она просит вас помочь с наплывом пациентов... Ну, то есть много их очень.

– А, извините, почему же тогда на этом этаже никого нет, и вы, "доктор", расхаживаете без дела? – уже не так ласково спросила я.

– Да в основном потому, что все люди с моего этажа и с этого тоже пошли лечиться на ваш этаж, – бойко отозвался Мухоморов.

– Понятно. Пошли, поможешь, – хмуро велела я. – Ты хоть что-нибудь знаешь?

– Я, к вашему сведению, представляю здесь вундеркиндов, – надменно отвечивал пацан, пропуская меня вперед себя в лифт. – Я уже окончил среднюю школу и учусь на пятом курсе института.

– Какого? – не удержалась я.

– Высшая Академия Дефектов дикции, факультет заикания, – обиженно ответил он. Я больше вопросов на этот счет не имела, тем более, что у меня все еще было полутемно в глазах. Наступило молчание.

– На курс корабль вышел? – решила я сменить тему.

– Вышел, и, представьте себе, еще до того, как кто-либо очутился в рубке – это очень странно, вы не находите?

– Это очень хорошо! – отрезала я.

– Но ведь в рубке не было совсем никого!

– Ну а роботы?

– Роботов тоже не было. Представляете, их всех собрали на лекцию по инопланетяноведению.

Вот это я как раз могла представить с легкостью и потому только молча кивнула в ответ. Лифт доехал до нашего этажа и разинул двери. Пацан, в смысле, врач десятого этажа Мухоморов, снова пропустил меня вперед, но на этот раз мне не удалось воспользоваться его вежливостью: из лифта было невозможно выйти. Весь коридор был плотно забит народом. Народ активно давил друг друга и ругался, но, конечно, ни одного робота не пришло, чтобы навести порядок, только коридор пиликал что-то, как ему казалось, успокаивающее.

Я набрала воздуха и завопила так, как не снилось отсеку при проходе через телепорт:

– Прекратите панику!!! Успокойтесь!!! Я помощник врача, пропустите меня!

– И меня! – испугался Мухоморов.

– И его!!! – согласилась я. – Он вундеркинд!!!

Толпа то ли расступилась, то ли на некоторое время перестала толкаться. По крайней мере, нам удалось пробиться сквозь будущих пациентов к медицинскому отсеку. В нем уже вовсю шло лечение: потеющая Денеб под руководством Синдереллы Ивановны вела прием, отсек изображал на стенах цветочки и успешно пародировал соловьиное пение.

– Валя, – расплылась в улыбке Синдерелла Ивановна. – А я как раз сберегла для тебя пациентку: она чихает. Садись рядом со мной.

Я задрожала, как перед решающей контрольной, и с нервной улыбкой поприветствовала чихающую пациентку: бледную, высокую и худую длинноносую даму с карими глазами навывкате.

Проигнорированный всеми Мухоморов нахмурился и, притянув к себе кого-то из ожидающих своей очереди, сурово спросил:

– Не страдаете ли вы нарушениями дикции или речи? Я специалист по заиканию...

– Тихо! – сердито сказала Денеб. – На приеме у врача драться нельзя!

Пациент отпустил Мухоморова, а я повернулась к своей даме.

– Лампада Неоновна Модуль-Кочерыжкина! – представилась она. Моя улыбка из нервной превратилась в настоящую,

и я тоже представилась:

– Валентина Козлова. На что жалуетесь?

– Чихаю.

– Может, у вас аллергия? – предположила я.

– Да нет, нет, что вы. Понимаете, тут есть такая проблема... Я все время слышу свой чих как будто со стороны, будто чихаю не я, а кто-то другой...

– Может, действительно кто-то другой чихает? – вежливо поинтересовалась я.

– Так там же никого, кроме меня, нет. Я, собственно, механик, хожу проверяю, как работают системы корабля...

– Понятно, – мрачно сказала я, мысленно прикидывая свои шансы на благополучное возвращение домой. Получилось около 30 %.

– Сходите со мной, пожалуйста, если не трудно, – слегка задыхаясь, попросила чихучая дама. – Поглядите, действительно это я чихаю, или кто-то еще...

– Иди, иди, – отвернувшись от жалующего старичка, решила Синдерелла Ивановна. – За тебя останется Антон. Иди сюда, дорогой, становись рядышком и запомни следующую фразу: "Это у вас последствия изменения кораблем траектории полета".

Я послушно поплелась за Модуль-Кочерыжкиной. Денеб проводила меня завистливым взглядом, но сама себе я не завидовала.

ГЛАВА 15

Пучеглазый механик неожиданно направилась на двадцатый этаж, и я стала подозревать, что мы идем в рубку: по крайней мере, мы опять оказались в том же темном коридоре, которым вел меня когда-то штурман. Пока я думала, под каким предлогом мне не пойти вдвоем со странной пациенткой в эту тьму, Лампада Неоновна протянула тощую руку и провела пальцем по стене, рисуя непонятный знак, в результате чего Ануну явило нам чудо: стена расступилась, образовав неровное отверстие с рваными краями, в которое моя пациентка без колебаний вошла. Я, скрепя сердце, последовала за ней. Мне явилось полутемное помещение, совершенно бесформенное, как будто его кое-как выкопали. Я никогда не была сильна в кораблеведении, но те малопонятные трубочки и шарики, что в изобилии наполняли помещение, поставили меня в тупик, а общее убранство комнатухи напомнило тридцатитрехсерийный стереофильм "Звездолет-призрак или месть синего Бубука", который я с увлечением ходила смотреть, пропуская первые уроки и снижая идеальность класса на 15%. Трубочки пульсировали, шарики сопели и чавкали, а вообще было довольно тихо. Долговязая дама нервно сглотнула и присела на корточки возле скопления шариков.

– Вот-вот! – прошептала она. – Слышите?

– Ну, чавкает и сопит, – неуверенно сказала я.

– Чхи, – четко сказал кто-то потусторонним голосом, совсем как в фильме.

Я, тоже как в фильме, зашарила рукой в поисках бластера, но его при мне, ясное дело, не было, а неизвестный продолжал мелко почихивать.

– Ну? – торжествующе спросила механик.

– Поздравляю вас. Сумасшествие исключается, – обрадовала я ее. – Скорее всего, это так работают механизмы на этом этаже.

– Это на любом этаже, – возразила Лампада Неоновна. – А скажите, Валентина, вы знаете психологию? Проконсультируйте меня, пожалуйста. У меня ужасный стресс. Я механик, но я почти ничего не понимаю в этом корабле...

– Да это ничего, вот вернетесь и закончите институт, – успокоила я ее.

– Нет, нет! Я давно уже работаю механиком, никогда раньше у кораблей не было такой конструкции! Кое-что я, конечно, узнаю, но очень мало, и у меня иногда впечатление, что под этой обычной внешней оболочкой... Кроется какая-то таинственная начинка!!!

– Да не волнуйтесь, не волнуйтесь, – неловко сказала я, переминаясь с ноги на ногу. – Ну, летит же, а какая разница, как оно устроено?

– Да, да, конечно, спасибо большое, – дама поднялась с

корточек и снова коснулась стены. Та расползлась, чих прекратился, но шарики продолжали чавкать. По вылезании из дыры неизвестно чем успокоенная Лампада Неоновна поклонилась мне в знак благодарности и удалилась, видимо, на ужин, а из темного коридора вынырнули капитан и штурман.

– Валентина! – обрадовался последний. – Присоединяйся к нам! Наш психолог почесал маковку и решил, что люди в последнее время чего-то слишком тихо себя ведут, а поэтому у нас сегодня объявлен праздник по неизвестно какому поводу, и на смотровой площадке состоится бал и концерт с развлекаловкой! Велели причепуриться! Вон, я даже две косички заплел.

– Посещение развлекательных мероприятий способствует сплочению экипажа, – сообщил разодетый в меняющий цвет костюм капитан Зуммеров. – Людям необходимо снять негативные эмоции, связанные с декурсацией корабля. Уплотненная развлекательная программа всецело развеселит вас.

– А с курса, капитан, снова не сойдем? – поинтересовалась я.

– Нет, кораблю задана четкая программа пилотирования, и для контроля оставлены роботы.

Зуммеров кончил говорить, захлопнул рот и деревянными шагами направился увеселяться, переливаясь всеми цветами радуги.

– Ой! – сказала я. – Я же не одета!

– То есть как это? – удивился Логвин.

– Ну, в смысле не имею надлежащего мероприятия одевания, – выразилась я по-капитански. – Съезжу-ка я оденусь, а ты иди пока на бал.

– Да ты мне и такая пойдешь! – крикнул штурман мне вслед, но я уже неслась к лифту.

...Отсек, понятное дело, начал портить мне удовольствие. Явив в знак немилости в псевдоокне заснеженное пространство под пасмурным небом, он заявил:

– Как представитель учащихся, вы не должны являться с увеселительного мероприятия позже десяти. Вы уже неоднократно нарушали режим. Вот время ваших приходов: – на одной из стен зажегся крупный хронометраж. – К тому же, вы должны знать, что ношение выбранных вами одеяний недопустимо для учащихся, и я буду вынужден блокировать двери.

Я стиснула зубы, сдернула с себя платье и сунула его в карман брюк, решив, что переоденусь у Денеб в медицинском отсеке. Глупое помещение беспрекословно выпустило меня, порозовев от удовольствия, и я прямым ходом направилась в медицинский отсек. Там уже вовсю шла подготовка к балу. Синдерелла Ивановна повесила на себя громадные магнитные клипсы и приделалась с помощью антигравитационных сапожек и платья-брюк со стоячим воротником, раскрывающимся как веер. Денеб оделась в последний писк моды – серую балахонетку со вшитыми в нее обручами, громадные светящиеся изнутри ботинки и шляпку-колпак, завязываю-

щуюся вокруг ушей.

– Представляешь, Валя, пациенты как услышали про бал, тут же все разбежались! – обиженно сообщила она мне, вставляя в нос магнитное кольцо. – Ты что, в этом пойдешь?

– Да нет, у меня вот, платье, – я вздохнула, достала свою старомодную тряпку из зеленой голографической материи и нажала на третью пуговицу. Тряпка встрепенулась, обернулась вокруг меня и изобразила короткое платьице с небольшим шлейфом сзади.

– Очень мило, Валенька, – похвалила Синдерелла Ивановна. Денеб промолчала. Мы вышли из отсека и напихались в лифт. Я встала на чью-то ногу и уставилась в чью-то спину. Настроение у меня было романтическим, и сами собой сложились стихи: "Обманула я хитрый отсек и теперь покрашуюсь средь всех. И на всей на большой Ануне никого нет счастливей, чем мне".

ГЛАВА 16

Бал уже начался: на смотровой площадке слышалась стандартная танцевальная музыка – разработанная, одобренная, патентованная и занудная. Пары, тройки, четверки и небольшие хороводики уже перепрыгивали друг через друга в танце: почти все были одеты в антигравитационную обувь. Космическое пространство за прозрачными стенами поощряло все это большой красивой туманностью, которая, как я вспомнила, называлась F001989. Помимо корабельного света неплохо сияла ярко-голубая звезда: отсюда она смотрелась размером с наше Солнце, если глядеть на него с Земли...

Денеб поправила кольцо в носу и взяла меня под руку.

– Как голова? Уже лучше? Не стреляет? Помогло? – поздоровалась я с несколькими постоянными пациентами. Приодетые, они выглядели, как впрочем, и всегда, совершенно здоровыми.

– Валя, по-моему, капитан на меня смотрит, – шепнула мне Денеб.

– Не волнуйся, – машинально ответила я, пытаюсь высмотреть штурмана.

– Какое на вас чудесное платье! – сказал кто-то глубоким голосом, видимо, обращаясь к моей подруге. Я узнала зна-

менитого океанолога, в виде исключения летящего с нами самолично, и кивнула ему. Денеб быстро выпустила мою руку и кокетливо захихикала, оттирая меня от ученого своей могучей спиной. Я пожала плечами и отошла в сторону. Тут же кто-то закрыл мне сзади глаза.

– Что еще за шутки! – завопила я, почему-то ожидая увидеть какого-нибудь робота.

– Надо угадывать имя, – укоризненно заметил штурман, убирая руки. – Так делали в прошлые времена.

– Сейчас не делают. Негигиенично, – буркнула я.

– Я руки мыл, – засмеялся штурман. – Давай уж лучше попляшем, а то затолкает нас твоя нехуденькая подружка с пойманным ею кавалером!

Пролетающая мимо Денеб испепелила его взглядом. Под потолком, чтобы всем было видно, возник голографический человек, принявшийся выламываться в танце.

– Это еще что? – поинтересовался штурман.

– Образец, – удивилась я. – Ты разве не знаешь? На всех дискотеках он есть. А то вдруг кто танцевать не умеет? Сейчас другой появится – это будет вариант танца для людей среднего и пожилого возраста. Вот он! Видишь? А вон детский танец – это мне надо танцевать, только я не буду.

– Правильно, – одобрил штурман и увлек меня в скачущую толпу.

Вскоре музыка кончилась, и началась обещанная увеселительная программа. На выросшую из пола сцену вскочил

долговязый парень и закричал надсадным голосом:

– Так, так, мы потанцевали, и теперь можно и повеселиться! Начинаем развлекательную программу. Аплодисменты!!! Ну, что ж так вяло? Еще разок!!! Вот так! Попрошу на сцену трех желающих – сейчас будет небольшой конкурс. Итак, кто из вас любит петь? Все? Хорошо. Мы будем петь популярную детскую песенку "Ай-ай-ай-ай а-та, агу-агу" – слова все знают! У кого получится лучше – того ждет сюрприз!!!

Я поднялась на цыпочки и разглядела троих желающих, стоящих на сцене. Двумя из них, к моему удивлению, оказались капитан и Денеб, а третьей – старушка-долгожительница. Я приготовилась к необычному зрелищу. Ведущий страшным криком потребовал начать пение. Я радостно захлопала. Денеб открыла рот и слабым неверным голосом заблеяла: "Агу-агу-угу-гу-гу..." "Ля-ля-ба-ба, кукурукуку", – подхватил капитан нежным тенорком, драматически изогнув брови и почему-то кося глазами. Тут вперед выпрыгнула бабуля-долгожительница и, энергично потрясая руками, лихо проскандировала: "Сю! Сю! Мусю-сю!"

Меня просто согнуло в дугу от смеха.

– Ху-ху-ху! – слышалось рядом со мной. Это смеялась Синдерелла Ивановна. – Здорово! Вот что значит – с нами летит профессиональный ведущий!

Профессиональный ведущий уже перешел к следующему испытанию: Денеб, капитан и бабуля, подпрыгивая, ловили

летающий радиоуправляемый шарик, кругом аплодировали. Я повернулась к штурману. Тот, вопреки обыкновению, выглядел очень серьезно и медленно переводил взгляд со сцены на светящуюся за стеной туманность, как будто сравнивая, что лучше. Я решила ему помочь и ткнула пальцем в звездное скопление:

– По-моему, это красивее.

Он как-то мрачно улыбнулся и покачал головой. А потом вдруг сказал:

– Извини, Валюш, мне следует отсюда улетучиться. Все-таки мы, как вроде, в космосе, пойду проверю, туда ли летим...

– Логвин, – сказала я соответствующим своей фамилии, то есть, козлиным голосом, пытаюсь не шмыгнуть носом. – Ведь мне, собственно говоря, тоже здесь не нравится, давай лучше сходим в сад или в бассейн, если он открылся. Вода снимает стресс и закаляет организм...

Штурман посмотрел на меня молча и как будто с сочувствием, а мне почему-то вспомнились недавние слова Лампады Неоновны: "Под обычной внешней оболочкой кроется какая-то таинственная начинка". Померив меня странным взглядом, он повернулся и удалился. Я не сдержалась и все-таки шмыгнула носом, махнула рукой и тихо покинула смотровую площадку.

Отсек должен был быть доволен: я явилась в девять часов, правда, душ принимать отказалась, шмякнулась в кровать,

не раздеваясь, и рывкнула: "Вырубай свет!!!"

– Вам требуется психологическая помощь? – прочувствованно поинтересовался отсек. – Связаться со Звездолетом Андреевичем Энтропиевым?

– Нет, – отрезала я.

– Внимание, у меня для вас сообщение, – перешел на другой режим

отсек. – С завтрашнего дня начнет функционировать корабельная школа, второй этаж, отсек альфа-7, которую вам необходимо посещать.

Комната договорила и погасила свет, оставив меня мрачно уткнувшейся в подушку. Все было одно к одному, и мне очень хотелось выброситься в космос. К тому же, когда я выходила из лифта, мне на глаза опять попался мерзкий робот. И опять он странно поглядел на меня...

ГЛАВА 17

Ночью я, конечно, спать не могла совершенно и мучилась, лежа на кровати-тумбочке-холодильнике, пока не проснулась. Оказалось, что до этого все-таки спала. Я со вздохом перевернулась на спину и ужаснулась: с потолка на меня медленно опускался большой мягкий полупрозрачный колпак. Рванувшись с кровати, я в лихом прыжке оправдала свою пятерку по физкультуре и судорожно хлопнула по стене. Отсек, к счастью, открыл дверь, и я выбежала в коридор...

Луны не горели. Звезд не было. Да и сам коридор выглядел совершенно по-другому: стены стали тускло-серыми и почти не давали света, а по полу, когда я на него ступала, пробегали синенькие болотные огонечки. Успокаивающая музыка не играла, ароматизатором не воняло. Даже "Корабль-призрак" не наводил на меня такого страха. Психологи уверяют, что эмоциональная встряска иногда полезна – поглядев на видоизмененную Ануну, я навстряхивалась на всю оставшуюся жизнь.

Тихо попискивая, я пробиралась по серому коридору, который вдруг стал мне напоминать внутреннее убранство комнатки с чихающим механизмом, в котором никак не могла разобраться Лампада Неоновна... Двери отсеков и лифтов исчезли со стен и, что самое ужасное, на всем этаже, кроме

меня, никого не было!

"Может, Ануну сломалось? – панически думала я. – И мы застряли в космосе на веки вечные? А, может, оно взбесилось и теперь решило погубить всех пассажиров, как в фильме "Ужасный страх-3"? Тогда сейчас меня должно прихлопнуть потолком!"

Ануну, видимо, "Ужасный страх-3" не смотрело – коридор остался без изменений. Я добралась уже до столовой, но заглянуть в нее не решилась, а застряла возле входа, пытаюсь отыскать у себя на руке точки акупунктуры, чтобы успокоиться. Как только я обнаружила одну из точек, неподалеку от меня неожиданно разверзлась стена, образовав знакомую дырку с рваными краями. Я с трудом вспомнила, что раньше там был лифт, и без раздумий юркнула в столовую, высунув в коридор только нос и глаз.

Из бывшего лифта вышло несколько фигур – одна другой тощее и выше. Почти все они были сплошь задрапированы какими-то одеяниями, так что на свободе оставалось совсем немного тела. Одна из фигур повернулась в профиль, явив потрясающе длинный и совершенно нечеловеческий нос и, протянув к другой гнущуюся в трех местах руку, сказала:

– Ик! Ик-ык! Ику!

Вторая фигура повернулась к третьей, показала такой же нос и, так же согнув руку, сказала:

– Чхи! Кха-чханачха!

Третья фигура в ответ зашлась коклюшным кашлем. Пер-

вая фигура разыкалась. Начихавшись, накашлявшись и, возможно, высморкавшись, фигуры, к моему ужасу, двинулись по направлению ко мне, медленно и неприятно ощупывая серые стены. Я нырнула вглубь столовой и едва сдержала вопль: на меня смотрел знакомый красноглазый робот. Впрочем, вопить я быстро передумала: робот явно был отключен и стоял, прислонившись к стене.

"Неплохо бы его включить, – подумалось мне. – Он антигравитационный, может, улечу на нем в случае чего."

Я протянула руку и потрясла робота за подобие плеча. Он даже щупальцем не шевельнул.

– Собака, когда не надо, пугаешь, а когда надо, отрубилась?! – прошипела я и отодрала его от стены.

Неожиданно красные фары замигали, робот зашерудил щупальцами и поднялся в воздух.

Создания в коридоре кашляли все ближе и ближе, поэтому я быстро придумала план действий; напустить на длинноносых робота, и, пока он будет их отвлекать, добежать до лифта, местоположение которого я, вроде бы, помнила...

– Вперед лети, – шепнула я роботу, не будучи уверенной, что он меня послушается. Но он послушался. Мы оказались в коридоре прямо перед длинными носами непонятных существ. Увидев робота, они разыкались вовсю, а я мобилизовала все ресурсы организма и понеслась прямо на них, грудью пробивая дорогу к лифту.

Мобилизованные ресурсы не помогли: меня крепко схва-

тили поперек туловища и запихнули во что-то мягкое, теплое и сонное...

– ...Валька, Валюш, ну что с тобой?! Давай поднимайся, нашла

место для сна!

Я открыла ошалелые глаза и уперлась ими в голубой потолок коридора. Я лежала возле двери в свой отсек, лифт был на месте, коридор играл тихую утреннюю музыку, и надо мной склонился штурман.

– Что я тут делаю? – спросила я.

– Хороший вопрос! – рассмеялся он. – Наверное, страдаешь лунатизмом! Вставай давай, а то ты являешься для бедных людей препятствием на пути к завтраку!

– А ты-то тут что делаешь? – поинтересовалась я с подозрением,

медленно вставая.

– За тобой пришел, ясное дело, ты же вчера что-то говорила про бассейн. Думаешь, я не заметил, что ваше величество обиделось?

– Мне сейчас надо идти к Синдерелле Ивановне, – сказала я, скрывая наползающую улыбку. – Но если ты меня подождешь...

– Ясно, подожду.

– Знаешь, мне такие кошмары снились, – поделилась я с содроганием. – То есть, я надеюсь, что снились...

– Ой, Валюха, – покачал головой штурман. – Иди, я тебя

жду. Пора, как ты выражаешься, закалить организм в бассейне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.